

С.А. Корсун

РОЛЬ АКАДЕМИКА В.В. РАДЛОВА В ФОРМИРОВАНИИ АМЕРИКАНСКОГО СОБРАНИЯ МАЭ

Немецкий исследователь Фридрих Вильгельм Радлов получил образование на философском факультете Берлинского университета. В студенческие годы он серьезно увлекся лингвистикой и стал изучать восточные языки. Летом 1858 г. Ф.В. Радлов отправился в Россию. 11 мая 1859 г. он принял присягу на русское подданство и получил имя — Василий Васильевич Радлов (1837—1918). В период с 1859 по 1879 гг. В.В. Радлов жил в г. Барнауле, где изучал этнографию, фольклор и языки тюркских народов, с 1872 по 1884 гг. работал инспектором мусульманских школ Казанского учебного округа. 7 ноября 1884 г. В.В. Радлова избрали ординарным академиком по истории и древностям азиатских народов. С этого времени он постоянно жил в Санкт-Петербурге, в 1885—1890 гг. являлся директором Азиатского музея. 16 марта 1894 г. на объединенном заседании Физико-математического и Историко-филологического отделений ИАН академика В.В. Радлова единогласно избрали директором МАЭ.

Необходимо остановиться на том, что представлял собой музей в тот период. МАЭ занимал второй этаж музейного здания в Таможенном переулке. Его экспозиция, открытая в 1891 г., состояла из трех разделов — «Отделения доисторических ка-

менных орудий», «Краниологического или антропологического отделения» и «Этнографического отделения», где были представлены собрания по зарубежным народам. Коллекции были выставлены по собирателям, каждая коллекция была размещена в отдельном шкафу или на отдельной полке. Музейные номера были только у коллекций, отдельные предметы внутри коллекций номеров не имели. Ученый хранитель музея Федор Карлович Руссов (1826—1906) составил списки предметов некоторых собирательских коллекций, но это были лично его рабочие документы: информация об отдельных предметах не была отражена в музейной документации. При этом в шкафах Ф.К. Руссова расставил вещи по «чуждым этнографии требованиям эстетики и симметрии» [Штернберг, Ольденбург 1907: 32].

«Только феноменальная память и долгая служба ученого хранителя К.Ф. Руссова и его бесконечно преданного Музею помощника, сторожа Саминова, давали возможность при таких условиях, более или менее, ориентироваться в провенансе (происхождении. — С.К.) и назначении отдельных предметов. Это была, до известной степени, их личная тайна, и с их смертью научное значение большинства предметов Музея могло быть совершенно потеряно для науки» [Там же: 32—33].

Познакомившись с работой музея, В.В. Радлов начал коренное преобразование в отношении сбора, учета, хранения и регистрации коллекций; образовательной, выставочной и научной деятельности. К тому времени «тысячи предметов датировались еще временами Петра Великого и его Кунсткамеры. Документы к ним давно погибли или не были известны; редкие старинные этикетки носили загадочные номера, ничего не говорившие регистратору. Огромные коллекции Адмиралтейского департамента и И.Г. Вознесенского имели кое-какие описи, но, вследствие отсутствия нумерации на самих предметах, требовались огромные усилия, иногда остававшиеся бесплодными, чтобы подыскать предметы, соответствующие описям. Кроме того, в подвалах Музея, сваленные в кучи, громоздились целые

груды свезенных в 1891 г. из бывшего Музея Географического общества коллекций со всех концов России, коллекций, не имевших ни описей, ни нумерации, если не считать кучи отрывочных заметок и случайных этикеток» [Музей 1917: 248].

Первостепенной задачей была регистрация всего собрания. Для знакомства с организацией музейного дела В.В. Радлов совершил командировку в Западную Европу. Наиболее удачной ему показалась система учета Королевского музея Копенгагена, где каждая поступившая коллекция получала общемузейный номер, а предметы внутри нее получали двойной номер — номер коллекции и порядковый номер для каждого предмета. По этому принципу с 1896 г. началась регистрация собрания МАЭ.

В конце 1894 г. Ф.К. Руссов тяжело заболел, он «хотя и прожил еще после этого довольно долго, но в Музей мог являться только изредка и то лишь на короткое время» [Музей 1917: 247]. В.В. Радлов был вынужден принимать сотрудников для выполнения временной работы.

«Приходилось прибегать к случайным регистраторам, совершенно не знакомым с делом, которые требовали беспрестанного руководства и обучения (вероятно, говорится о Е.Л. Петри и Е.Н. Клеменц. — С.К.). Это была тяжелая работа: по целым дням среди атмосферы пыли, затхлости и ядовитых дезинфекционных препаратов. И на эту громадную работу первоначально было ассигновано, и то только после особого ходатайства, по 50 руб. в месяц на вознаграждение 2-х лиц для регистрации!» [Штернберг, Ольденбург 1907: 35].

В 1891 г. в МАЭ поступила коллекция по тлинкитам от миссионера Г. Чудновского, которой тогда же присвоили коллекционный номер 211. В 1896 г. зарегистрировали отдельные предметы внутри этой коллекции. Они получили номера 211-1, 211-2, 211-3 и т.д. В 1897 г. зарегистрировали предметы коллекций № 337, также поступившей в музей в 1891 г. В 1898 г. Историко-филологическое отделение ИАН предоставило В.В. Радлову право «войти в сношение с лицами, живущими

в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и, в случае надобности, предоставить Отделению имена тех лиц, которые могли бы быть официально назначены корреспондентами Музея по этнографии и антропологии Императорской Академии наук с выдачей на это звание диплома» (цит. по: [Соболева 2011: 53]).

В деле преобразования музея В.В. Радлов нашел единомышленника в лице Карла Карловича Гильзена (1864–1918). Он начал работать в музее еще в 1892 г. как внештатный сотрудник. В 1893 г. на свои средства К.К. Гильзен совершил поездку в США, где познакомился с коллекциями нескольких американских музеев и посетил резервацию индейцев сиу. В 1896 г. он начал регистрацию североамериканского собрания МАЭ. Для каждого предмета К.К. Гильзен сделал карточку, где записал его название, номер временной и постоянной регистрации и этническую принадлежность. Также на эту карточку он наклеивал все музейные этикетки, имеющиеся к предмету. С 1903 по 1911 г. К.К. Гильзен жил в Симбирске, затем вернулся в столицу. В 1912 г. его приняли в постоянный штат МАЭ.

Еще одним помощником В.В. Радлова стал Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927). В студенческие годы он был одним из руководителей южнорусского отделения революционной организации «Народная воля». В 1886 г. его арестовали, в 1889–1897 гг. Л.Я. Штернберг отбывал ссылку на острове Сахалин, где занимался изучением нивхов и айну. Он начал работу в МАЭ в 1901 г. в возрасте сорока лет. Первое время Л.Я. Штернберг работал без оклада, в 1902 г. получил диплом о высшем образовании, и В.В. Радлов перевел его в штат на должность младшего этнографа.

В.В. Радлов не боялся привлекать к работе в государственном академическом музее бывших политических ссыльных-народовольцев — «этнографов поневоле». Они длительное время проживали среди народов Сибири и изучали их культуру

и язык, тем самым на практике осуществляя главную идею народовольческого движения — «хождения в народ».

Еще в 1891 г. В.В. Радлов работал в составе Орхонской экспедиции вместе с Дмитрием Александровичем Клеменцем (1848–1914). Он по достоинству оценил профессиональные качества своего спутника-народовольца. В 1896 г. В.В. Радлов принял Д.М. Клеменца на постоянную работу в МАЭ. В дальнейшем он оказывал различное содействие и другим политическим ссыльным: Э.Ю. Петри, Э.К. Пекарскому, В.Н. Васильеву, В.М. Ионову, В.З. Немчинову, Б.П. Пилсудскому, В.Л. Серошевскому, В.И. Иохельсону, В.Г. Богоразу.

В первый период (1894–1903 гг.) работы В.В. Радлова в МАЭ «три условия тормозили дело развития музея: скудный бюджет, недостаток ученого персонала и тесное помещение. Настойчиво, шаг за шагом, несмотря на всевозможные затруднения, В.В. Радлов устраняет эти препятствия» [Штернберг, Ольденбург 1907: 39].

В 1899 г. в связи с предстоящим в 1903 г. двухсотлетним юбилеем основания Санкт-Петербурга В.В. Радлову удалось добиться решения об увеличении штата и расширении экспозиционных площадей МАЭ. В распоряжение музея выделили весь флигель музейного здания, примыкающего к Кунсткамере. Л.Я. Штернберг и С.Ф. Ольденбург отметили: «Чтобы провести такое дело, как увеличение штатов, необходимо, и то с надлежащего разрешения, предпринять целый ряд разведок, подавать записки, убеждать и, только добившись предварительного согласия Министерства финансов, входить с соответствующим представлением, а когда все эти мытарства пройдены, не надо жалеть трудов, чтобы дело не застряло в последней инстанции на целые годы» [Там же: 41].

К юбилею столицы В.В. Радлов решил подготовить новую экспозицию, для ее создания провели сверку коллекций. Музейное собрание сначала разделили по частям света: Америка, Африка, Австралия и Океания и т.д., а затем по «культурно-этническим группам» — народы Дальнего Востока России,

народы северо-восточной Азии, народы Аляски и т.д. В течение 1902–1903 гг. сотрудники музея создали новую экспозицию, эта работа позволила выявить лакуны в собрании музея по «культурно-этническим группам». Выяснилось, что среди североамериканских коллекций, кроме народов Русской Америки, имеется около десятка предметов по «канадцам» и около сорока предметов по ирокезам. Народы Центральной и Южной Америки были представлены всего 257 предметами. Эти вещи в основном относились к случайным сборам и не давали представления о традиционной культуре отдельных народов.

В деле преобразования музея В.В. Радлову приходилось преодолевать множество бюрократических преград. Его неоднократные обращения по поводу увеличения штата и финансирования музея вызывали недовольство президента ИАН великого князя Константина Константиновича Романова.

«В.В. Радлов взял на себя самую неприятную и, может быть, самую трудную часть работы — изыскание средств, ходатайства перед властями, отстаивание везде и всюду интересов Музея: официальное его положение как директора Музея и академика и престиж его имени давали гарантию успеха. И во всякую погоду, и в дождь, и в слякоть, и в трескучий мороз, и в сильный ветер, он, невзирая на свой уже тогда довольно преклонный возраст, одев на себя для большего престижа ордена и ленты, безропотно шел, как он выражался “антишамбировать”, т.е. ждать очереди в приемных министров и других сановников» [Ратнер-Штернберг 1928: 37].

Еще в 1899 г. в Риме во время работы XII Международного конгресса востоковедов В.В. Радлов выдвинул идею создания Международного комитета для изучения Средней и Восточной Азии для сохранения памятников культуры этого региона. Это предложение было поддержано участниками конгресса. В 1902 г. в Гамбурге на XIII Международном конгрессе востоковедов было принято окончательное решение о создании Международного комитета. В 1903 г. В.В. Радлов организовал его отделение в России, которое он назвал Русским комитетом

для изучения Средней и Восточной Азии и подготовил его устав. Он включил туда пункт, по которому все коллекции, собранные участниками экспедиций Русского комитета, поступали в МАЭ. В 1903 г. Русский комитет вошел в ведение Министерства иностранных дел и получил финансирование — пять тысяч рублей в год. Таким образом, у администрации музея появились свободные средства для планомерных сборов коллекций среди народов Азии, как в России, так и за рубежом.

В период с 1902 по 1911 гг. в музее работал Бруно Фридрихович Адлер (1874—1942). Он отвечал за коллекции по народам Китая и Японии. До поступления в МАЭ, в 1901—1902 гг., Б.Ф. Адлер был сотрудником Музея Грасси при Лейпцигском университете. По поручению В.В. Радлова летом 1903 г. Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг ездили в Германию для знакомства с организацией работы в немецких музеях. При установлении партнерских отношений с зарубежными исследователями «несомненно, сыграли роль тот престиж и те старые связи, которые сохранил В.В. Радлов за границей, особенно в Германии» [Ратнер-Штернберг 1928: 47].

В Лейпциге Б.Ф. Адлер установил деловые контакты с братом Ганса Мейера — Германом Мейером (1869—1932). В течение 1895—1896 и 1898—1899 гг. он проводил исследования в Бразилии и Эквадоре среди индейских племен: ауэти, бакаинри, кабиши, камаюра, мехинаку, трумаи, хиваро, яулапити, населявших район верховий реки Шингу. В то время этот регион был плохо изучен. Впервые этнографические исследования среди этих индейцев провел К. Штейнен в 1884 и 1887—1888 гг. В письме от 7 октября 1903 г. Г. Мейер писал: «Предметы принадлежат народностям, которые частично только посредством моего посещения, в первый раз имели дело с белыми. Эти племена до этого времени не знали железа и изготовляли свои орудия из камня, кости, зубов и дерева. Опись предметов я позволю себе приложить, и располагаю более точными данными об их происхождении и применении» (цит. по: [Соболева 2011: 52]).

Коллекция Г. Мейера (№ 785) из 206 предметов поступила в музей осенью 1903 г. В дальнейшем Г. Мейер стал постоянным корреспондентом МАЭ. Он жертвовал музею значительные суммы денег, оплачивал покупку коллекций и организацию экспедиций, оказывал помощь в установлении деловых контактов с зарубежными учеными и коллекционерами. Г. Мейер договорился с инженером Оскаром Менгельбиром (Oscar Mengelbier) из города Аахен о продаже его коллекций в МАЭ. О. Менгельбир в течение длительного времени работал в Чили, Перу и Боливии. Для знакомства с этой коллекцией в 1904 г. в г. Аахен приезжал Б.Ф. Адлер. Собрание О. Менгельбира из 698 предметов традиционной культуры арауканов, огнеземельцев, аймара и археологических находок было приобретено за восемь тысяч марок (№ 845 и 846).

«Коллекция эта, содержащая много уникалов, в особенности представляет крупную ценность для нашего Музея, в котором коллекции из этой части света до сих пор совершенно отсутствовали. Кроме объектов чисто этнографических, рисующих прошлое и настоящее быта южноамериканских народов, коллекции эти заключают в себе до 200 предметов перуанских древностей (преимущественно, предметов гончарного искусства времен инка)» [Там же].

Из вещей арауканов в коллекции были представлены: ткацкий станок, образцы тканей, ковры, большой набор пончо, головные уборы, орнаментированные пояса, домашняя утварь. Вещи огнеземельцев О. Менгельбир собрал в районе Магелланова пролива у Пунта Арена и на острове Исабель. В коллекцию № 846 вошли серебряные изделия арауканов.

* * *

Сотрудничество между МАЭ и Американским музеем естественной истории Нью-Йорка (АМЕИ) началось в 1898 г., когда руководитель этнологического отдела АМЕИ Франц Боас (1858–1942) обратился с письмом к В.В. Радлову. Он

просил порекомендовать русских ученых для проведения научных исследований в Сибири в составе Джезуповской (Северо-Тихоокеанской) экспедиции. В.В. Радлов рекомендовал бывшего политического ссыльного — народовольца, члена ИРГО Владимира Ильича Иохельсона (1855—1937). Тот привлек к участию в экспедиции специалиста по этнографии чукчей Владимира Германовича Богораза (1865—1936).

Осенью 1898 г. в Берлине произошла личная встреча Ф. Боаса с В.В. Радловым и В.И. Иохельсоном. Ф. Боас был крайне заинтересован в проведении исследований среди береговых чукчей, поэтому он согласился на участие в экспедиции В.Г. Богораза. В 1889—1898 гг. В.Г. Богораз отбывал ссылку в Сибири, в мае 1899 г. он приехал в Санкт-Петербург и стал сотрудничать с МАЭ.

Цель Джезуповской экспедиции состояла в сравнительном изучении народов северо-восточной Азии и Аляски. Ф. Боас считал, что предки индейцев заселили Америку через район Берингова пролива. После начала ледникового периода они оказались оторванными от народов Азии. По мере таяния ледникового щита древние индейцы стали двигаться на север, перешли Берингов пролив и заселили Чукотку и Камчатку. Из концепции Ф. Боаса получалось, что чукчи, коряки и ительмены — это потомки древних мигрантов из Америки. Он считал обоснованными и предположения некоторых немецких и американских исследователей о культурных связях между народами района Амура и индейцами северо-западного побережья Северной Америки.

Во время работы в составе Джезуповской экспедиции в 1900—1902 гг. В.И. Иохельсон занимался изучением юкагиров и коряков, В.Г. Богораз — чукчей и азиатских эскимосов.

В 1903 г. В.В. Радлов в письмах к Ф. Боасу рекомендовал Л.Я. Штернберга как специалиста по этнографии народов Амура, заинтересованного в сотрудничестве с АМЕИ. Несмотря на то что Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг были одновременно назначены в 1902 г. на должности младших этнографов,

в 1904 г. на должность старшего этнографа В.В. Радлов перевел только Л.Я. Штернберга.

В августе 1904 г. Л.Я. Штернберг участвовал в работе XIV Международного конгресса американистов в Штутгарте. Здесь он лично познакомился с Ф. Боасом и встретился не только с европейскими учеными, но и с исследователями из Аргентины — Самуэлем Лафоне Кеведо, Роберто Леман-Нитше и Хуаном Баутиста Амбросетти. Благодаря новым контактам в 1905 г. МАЭ получил две коллекции из 63 предметов по индейцам Аргентины от директора музея города Ла-Плата С. Лафоне Кеведо (№ 938 и 939). Среди этих вещей наибольший интерес представляют орудия охоты яган (ямана) и она (селькнам и хауп), которые использовались в промысле гуанако, птиц, тюленей и китов.

Командировка Л.Я. Штернберга в США состоялась в 1905 г., в рамках программы Джезуповской экспедиции. С середины апреля до конца июля он работал в АМЕИ, а затем две недели провел в Музее естественной истории им. М. Филадельфия в Чикаго. За время совместной работы с Ф. Боасом и куратором этнологического отдела АМЕИ Кларком Уисслером Л.Я. Штернберг не только договорился об обмене коллекциями, но и лично отобрал вещи, необходимые для МАЭ [Купина 2004: 55]. В 1905 г. МАЭ получил из Нью-Йорка серию коллекций по аборигенам Америки. Эскимосская коллекция из 82 предметов (№ 957) состоит из сборов 1895–1896 гг. полярного исследователя Р. Пири и капитанов морских судов Дж. Комера из сборов 1899 и 1902 гг. и Дж. Матча из сборов 1900 г. Коллекция по алгонкинам из 17 предметов (№ 959) состоит из сборов А.Л. Крёбера 1901 г. и В. Джонса 1902–1903 гг. Коллекция из 15 предметов каска и талтан (№ 960) относится, вероятно, к сборам Дж. Эммонса. Собирателем небольшой коллекции по индейцам нутка (№ 961), возможно, был Ф. Боас. Собирателями коллекции из 95 предметов (№ 958) по индейцам равнин и плато были А.Л. Крёбер, Г.В. Гриннел, Р. Кроан, А. Ниссел, Л. Фарранд. Индейцы Мексики были представле-

ны небольшой коллекции из 12 предметов (№ 962). В ответ МАЭ предоставил коллекцию по культуре ненцев из сборов Е.Н. Ледкова и А.В. Журавского.

Первый опыт вдохновил сотрудников МАЭ и АМЕИ к продолжению обменных операций. Так как оба музея нуждались в археологических собраниях, К. Уисслер предложил провести обмен коллекциями по периоду неолита. МАЭ отправил в Нью-Йорк образцы керамики неолитической стоянки из района Нижнего Новгорода, а из АМЕИ в 1906 г. поступило 34 фрагмента керамики (№ 963), полученных во время археологических раскопок в районе долины реки Огайо [Ершова, Корсун 2005: 5–6]. После этого в отношениях двух музеев наступил длительный перерыв, вызванный отставкой Ф. Боаса в мае 1905 г. с поста руководителя этнологического отдела АМЕИ. Обмен с американскими музеями оказался дорогостоящим для МАЭ. Главными при обмене стали не научная ценность и количество предметов, а вес и размеры ящиков, в которых они перевозились, так как от их параметров зависели транспортные расходы.

В 1906 г. началось сотрудничество руководства музея с меценатом, антикваром Евгением Ивановичем Александром.

«Для Радлова были важны связи этого антиквара со всеми заграничными музеями, благодаря которым академический музей имел возможность с наименьшими затратами, а часто и в дар получать все то, что при других обстоятельствах было бы для него совершенно недоступно» [Басаргина 2008: 303].

В 1906 г. в МАЭ поступила коллекция из более 250 предметов от Д.Г. Гинцбурга (№ 1063). Ее собрал брат дарителя — Габриель Горациевич (Осип Осипович) Гинцбург в 80-е годы XIX в. среди индейцев Эквадора и Британской Гвианы. Д.Г. Гинцбург подарил МАЭ часть этой коллекции, а другую ее часть купил для музея Е.И. Александр. После приобретения коллекции в большом конференц-зале Академии наук организовали выставку новых поступлений [Очередная выставка... 1906]. Коллекция состояла из «примитивной одежды из этой

последней (лубяной материи. — С.К.) с древними орнаментами, множества предметов украшений из перьев, надкрылий, игл дикобраза, стеклянных и растительных бус, раковин и т.д. Другая часть представляет ткани и одежду, частью европейского уже типа, утварь, керамику и т.п.» [Штернберг, Ольденбург 1907: 64–65].

Летом 1907 г. Б.Ф. Адлер посетил этнографические музеи Стокгольма, Копенгагена и Парижа для знакомства с организацией учета и хранения коллекций. В сентябре-октябре того же года В.В. Радлов совершил поездку, в ходе которой посетил музеи Стокгольма, Копенгагена, Лейпцига, Гамбурга, Берлина и еще нескольких городов Германии [Радлов 1907]. По результатам этих поездок В.В. Радлов решил принять более активное участие в межмузейном обмене. Европейские музеи стремились получить коллекции по народам Америки, Австралии и Океании, Африки, Юго-Восточной Азии, Индонезии, Сибири и т.д. Соответственно, у каждого музея были свои возможности формировать коллекции. Некоторые музеи имели тесные связи с колониальной администрацией своих стран, другие организовывали самостоятельные экспедиции, третьи активно скупали этнографические коллекции на аукционах и международных выставках.

МАЭ должен был предоставить для обмена коллекции, которые отсутствовали в европейских музеях, — по народам России и, главным образом, по народам Сибири. Однако МАЭ не имел обменного фонда таких коллекций. В 1889 г. собрание музея по народам Сибири состояло всего из 1223 предметов, поэтому было необходимо срочно организовать экспедиции по сбору коллекций внутри страны.

Уже говорилось о создании В.В. Радловым «Русского Комитета», который получил государственное финансирование. За пятнадцать лет его работы с 1903 по 1918 гг. было проведено более десяти экспедиций, музей существенно пополнил свои фонды и создал большой обменный фонд из дублетных материалов [Ратнер-Штернберг 1928: 38–39]. Особенно активным

меценатам и собирателям (как в России, так и за рубежом) стали присваивать почетные звания членов-корреспондентов МАЭ.

Одним из меценатов музея был преподаватель экономического факультета Санкт-Петербургского университета Владимир Владимирович Святловский (1871–1927), который в 1907–1908 гг. совершил кругосветное путешествие. Он посетил Северную и Южную Америку, Австралию и Океанию, по поручению МАЭ В.В. Святловский собирал коллекции. В Перу ему удалось приобрести керамический сосуд древних инков (№ 1292), в Канаде — археологическую коллекцию каменных наконечников стрел, найденных во время археологических раскопок в районе расселения гуронов, и амулет в виде фигуры черепахи индейцев равнин (№ 2802). В.В. Святловский установил деловые отношения с профессором экономики университета Торонто Дж. Мэвором, от которого он получил сборную коллекцию из 50 предметов по эскимосам, северным атапаскам, черноногим, ирокезам, сиу, шошони, пуэбло (№ 1333).

В письме к В.В. Радлову от 5 февраля 1908 г. В.В. Святловский писал: «В трех университетских городах: Чикаго, Модизоне и Денвере, в которых я был после Квебека, мне для Вас устроить ничего не удалось, да и нечего собственно по этнографии здесь было и делать. Удачнее было в Калифорнии. Из двух ее университетов (Берклей и Пало-Альто) в государственном, Берклеевском, этнография в большом фаворе и имеется хороший музей, специально предназначенный калифорнийским индейцам. Заведующий музеем профессор Кробер (Affiliated Colleges, San-Francisco Cal. U.S.), изъявил согласие прислать полную коллекцию вещей калифорнийских индейцев, особенно племен юрок и пима. Взамен он желает получить предметы быта наших сибирских и кавказских инородцев» (цит. по: [Розина 1974: 135]).

Таким образом, до 1908 г. развитием международных проектов музея активно занимался не только В.В. Радлов, но

его помощники Б.Ф. Адлер и Л.Я. Штернберг. Постепенно В.В. Радлов перевел руководство международными проектами МАЭ на Л.Я. Штернберга. Видимо, отдача от его деятельности была намного больше, чем от работы Б.Ф. Адлера. С 1908 г. Л.Я. Штернберг фактически становится заместителем В.В. Радлова.

В сентябре 1908 г. в столице Австро-Венгерской империи Вене состоялся XVI Международный конгресс американистов. Здесь Л.Я. Штернберг в очередной раз встретился с Х.Б. Амбросетти, который в 1904 г. стал директором Этнографического музея при факультете философии и филологии Национального университета Буэнос-Айреса. Они заключили соглашение об обмене коллекциями. В 1909 г. из Аргентины была получена интересная археологическая коллекция из района Кольчаки, селений Тилькара и Ла-Пайе из 84 предметов (№ 1481). В следующем году поступила этнографическая коллекция по индейцам чиригуано, матако и чороте из 65 предметов (№ 1745) и археологическая коллекция из раскопок древнего города Ри Кача из 144 предметов (№ 1800). В ответ МАЭ отправил в Аргентину коллекции по ненцам [Лукин 1965: 132].

Для обмена с зарубежными музеями МАЭ через своих сотрудников и корреспондентов собирал коллекции по народам России, которые поступали в обменный фонд. Эти коллекции отправляли в Лейпциг на имя Германа Мейера, он был основным посредником между МАЭ и европейскими музеями. Г. Мейер имел дело со многими исследователями и музеями Германии — Музеем народоведения Берлина, Музеем народоведения Лейпцига, Музеем народоведения Гамбурга, а также с коммерческим предприятием «Музеем Умлауффа» в Гамбурге.

К.В. Хартман стал третьей стороной в этой системе обмена. Он в обмен на коллекции по народам России регулярно отправлял Г. Мейеру собрания по народам тех районов мира, которые были необходимы для МАЭ. Таким образом, для МАЭ значительно расширилась возможность получения коллекций из «экзотических» стран.

В конце 1908 г. на средства мецената Е.И. Александра музей отправил в Лейпциг собрание по народам России из нескольких тысяч предметов. Сложность состояла в том, что после доставки в Германию все коллекции значились как собственность Е.И. Александра, так как музей, являясь государственным учреждением, не мог продавать коллекции. Часть этого собрания действительно являлась собственностью Е.И. Александра. В частности, ему передали коллекцию по ненцам и коми из двух тысяч предметов из сборов А.В. Журавского, так как в 1906 г. он выделил деньги на исследования А.В. Журавского. Первоначально планировалось, что после доставки коллекции в Санкт-Петербург музей выплатит Е.И. Александру половину суммы, а коллекция будет поделена поровну между музеем и меценатом. Однако осенью 1908 г., когда собрание А.В. Журавского поступило в МАЭ, у В.В. Радлова не оказалось свободных средств и всю коллекцию, за исключением 75 предметов, передали Е.И. Александру.

В 1910 г. А.В. Журавский посетил этнографический отдел Русского музея, где увидел вещи из своих сборов. Их купили за счет казны в «Музее Умлауфа» в Гамбурге. Узнав, какую сумму заплатили за его коллекции, А.В. Журавский решил, что он сильно продешевил, продав их МАЭ. Он выдвинул претензии руководству Императорской Академии наук по поводу того, что в Гамбург были отправлены особо ценные экспонаты и что Л.Я. Штернберг неверно указал этническую принадлежность ряда предметов для увеличения их стоимости [Терюков 1993: 258–259].

«Основным пунктом обвинений А.В. Журавского было то, что коллекции были проданы без его ведома и разрешения» [Терюков 2008: 96].

Понятно, почему А.В. Журавский не предъявил обвинения В.В. Радлову. Авторитет академика был достаточно высок, чтобы его можно было в чем-либо обвинить без серьезных доказательств, а никаких доказательств противоправных действий руководства МАЭ у А.В. Журавского не было. Если

кто и изменял этническую принадлежность предметов, то не Л.Я. Штернберг, а предприниматели из торговой фирмы «Музей Умлауффа». Например, они сшивали кожу обезьян и рыб и продавали их как чучела «русалок» из России [Соболева 2007: 82].

Для разбирательства инцидента создали третейский суд, он отказал А.В. Журавскому в «удовлетворении». Кроме третейского суда, разбирательством конфликта занималась специальная комиссия ИАН. Члены комиссии отметили «бескорыстную, проникнутую исключительно научными интересами деятельность В.В. Радлова, благодаря которой музей занял одно из первых мест среди наиболее богатых, быстро развивающихся и постоянно совершенствующихся институтов ведомства Императорской Академии наук» (цит. по [Басаргина 2008: 304]).

Все же этические нормы были нарушены, на стороне А.В. Журавского выступил Б.Ф. Адлер, и в начале 1911 г. он ушел из музея. В результате межмузейного обмена некоторые коллекции, полученные из Германии и Швеции, значились в документах МАЭ как поступившие от Е.И. Александера. Позднее Е.И. Александера записали их собирателем. В частности, речь идет о коллекции из 603 номеров по культуре народов Мексики (№ 1812), поступившей в 1910 г., и о коллекции из 27 статуэток — типов населения Мексики (№ 1868), поступившей в 1911 г. До поступления в МАЭ они в течение десяти лет находились на хранении в Музее народоведения Гамбурга, их собиратели были неизвестны.

В настоящее время во многих музеях Америки и Европы есть коллекции по народам России, собирателем которых значится Е.И. Александер [Соболева 2007 а: 186]. И.С. Гурвич и Р.Г. Ляпунова писали: «В музее им. Пибоди Гарвардского университета (основан в 1866 г.) мы ознакомились с коллекцией Фр. [фирмы. — С.К.] Александера по орочам (эвенам), очевидно с Охотского побережья. <...> Амурские коллекции этого музея демонстрируют вышивку и одежду, орудия охоты, курительные трубки, деревянные фигурки, шкатулки. Есть кол-

лекции и по хантам и манси. Часть этих сибирских коллекций поступила сюда из Дрезденского музея» [Гурвич, Ляпунова 1980: 125].

Все вышеперечисленные коллекции принадлежали МАЭ, Е.И. Александер был только посредником, через которого они поступали в зарубежные музеи и на международные аукционы. Московский этнограф В.В. Богданов, посетивший Германию в 1910 г., писал о деятельности Е.И. Александера: «В Лейпцигском этнографическом музее <...> мне пришлось обратить внимание на некоторые предметы сомнительного происхождения. Мне и тогда было известно, что в Гамбурге существовала фирма Александера, которая занималась специальным посредничеством с разными этнографическими музеями по закупке “дублетов”, которые и отсылала заказчикам. В то же время в Петербурге был открыт секрет этой фирмы, изготовлявшей самостоятельно музейные предметы по нужным образцам» [Богданов 1993: 8].

В 1909 г. в МАЭ создали Попечительский совет во главе с князем Александром Георгиевичем Романовским, в его состав вошли несколько богатых меценатов: Е.И. Александер, В.В. Святловский, Л.М. Скидельский, Г. Мейер, Э. Нобель и др. В отличие от Е.И. Александера, другие меценаты помогали музею за моральное вознаграждение — почетные звания, чины или ордена. Попечительский совет работал до 1914 г. и оказал музею значительную финансовую поддержку.

В 1909 г. сотрудник Национального музея естественной истории при Смитсоновском институте в Вашингтоне (НМЕИ) А. Хрдличка проводил антропологические исследования в Египте. После завершения работы он посетил несколько европейских музеев, в том числе и МАЭ, где вел переговоры об обмене коллекциями. Его особенно интересовали антропологические материалы. К этому времени МАЭ провел несколько обменов книгами со Смитсоновским институтом, и В.В. Радлов без колебаний принял предложение А. Хрдлички. Он предложил для обмена бюст, несколько черепов и серию фотографий

по культуре кетов, которые отправили в Вашингтон. В ответ в 1910 г. МАЭ получил два гипсовых бюста вождей кроу и оседж (№ 1751), четыре плетеные корзины разных индейских племен из сборов Дж. Муни, Дж. Стивенсона, И.Л. Клифтона и Минделефа (№ 4154) [Купина 2004: 65] и археологическую коллекцию из района реки Потомак и залива Чесапик, представляющую развитие каменных орудий, из 44 предметов (№ 2201). Тогда же была достигнута договоренность об обмене коллекции туркестанской керамики XI–XIV веков на коллекцию керамики индейцев пуэбло и древнего населения района Чирики в Панаме [Там же: 63].

В 1911 г. по отработанной схеме обмена МАЭ при посредничестве Г. Мейера и К.В. Хартмана получил из НМЕИ собрание из более 180 предметов по культуре североамериканских индейцев. Собирателем значительной части этого собрания был М.Р. Харрингтон. В коллекцию № 1881 входят предметы культуры алгонкинов, в коллекцию № 1882 — ирокезов, № 1889 — сиу, № 1890 — мускогов, № 1891 — кайова, № 1892 — читамача, № 1893 — вичита. О том, каким образом эти коллекции поступили в Европу, сведений не сохранилось, но так как на некоторых вещах имеются этикетки «Музей Умлауффа», то становится понятным, что именно в этой коммерческой фирме они были куплены.

В 1910–1911 гг. житель селения Хесус-Мария, расположенного недалеко от города Тепике, штата Наярит, индеец кора Сотеро Партида собрал более 600 предметов по культуре кора и уичоль. МАЭ получил это собрание в конце 1911 г. при посредничестве Г. Мейера (№ 1902 и 1902 а). В том же 1911 г. через Г. Мейера поступило собрание путешественника и врача В. Бауэра из более 400 предметов культуры и быта майя, масатеков и чонталь (№ 1861–1863). Он был учеником Э.Г. Зелера — заведующего отделом американской археологии Музея народоведения Берлина. В. Бауэр совершил несколько поездок в Мексику специально для сбора керамических изделий. В настоящее время, кроме МАЭ, его коллекции находятся на хра-

нении в музеях Берлина, Бремена, Нью-Йорка, Вашингтона, Мехико. В 1911 г. Е.И. Александер передал в МАЭ коллекцию древнеперуанской керамики из 25 предметов из сборов немецкого археолога Г. Беккера (№ 1880).

* * *

Если до назначения В.В. Радлова директором МАЭ штат увеличивали только в 1836 г., то во время его директорства штат увеличивали дважды — в 1899 и 1912 гг. Благодаря новому штату музея в 1912 г. впервые появилась возможность создать отделы по регионам и назначить их руководителей. Заведующим отделом Центральной и Южной Америки стал К.К. Гильзен, регистратором коллекций отдела Северной Америки назначили С.А. Ратнер-Штернберг, которая с 1910 г. была внештатным сотрудником музея. Л.Я. Штернберг одновременно возглавил два отдела — Северной Америки и Сибири и Севера России (другие названия — отдел Севера России, отдел народностей Азиатской России).

В мае 1912 г. Л.Я. Штернберг участвовал в работе XVIII Международного конгресса американистов в Лондоне. На конгрессе присутствовали Х.Б. Амбросетти, А. Хрдличка, К.В. Хартман и Ф. Боас, с которым у Л.Я. Штернберга не прерывалась переписка со времени их знакомства в Штутгарте в 1904 г. После ухода из АМЕИ в 1905 г. Ф. Боас продолжал преподавать в Колумбийском университете Нью-Йорка. В 1908–1913 гг. среди индейцев виннебаго в штатах Висконсин и Небраска проводил исследования ученик Ф. Боаса — П. Радин. МАЭ, по предложению Ф. Боаса, частично профинансировал экспедицию П. Радина и в 1914 г. через Колумбийский университет Нью-Йорка получил коллекцию по культуре виннебаго из 62 предметов (№ 2332).

Это был не единственный совместный проект, разработанный Ф. Боасом. Начиная с 1891 г. сотрудники Музея американской археологии и этнологии им. Дж. Пибоди (МАОЭ)

проводили археологические исследования в Мексике. В январе 1911 г. благодаря усилиям Ф. Боаса, Э. Зелера, Р. Диксона и Б. Гордона в Мехико открыли Международную школу американской археологии и этнологии. Ключевой фигурой этой научной организации стал ученик Ф. Боаса, мексиканский археолог Мануэль Гадио. Он начал раскопки древнего города Аскапоцалько. В 1912 г. раскопки Аскапоцалько продолжила десятая экспедиция МААЭ. Ф. Боас предложил МАЭ и КМЕИ принять доленое участие в их финансировании. Соответственно полученные коллекции планировалось разделить между тремя музеями. В октябре-ноябре 1913 г. К.В. Хартман полтора месяца провел в США, где от имени МАЭ и КМЕИ частично профинансировал археологические исследования Аскапоцалько. Свою часть этой коллекции из 225 предметов МАЭ получил только в 1936 г.

После завершения работы XVIII Международного конгресса американистов Х.Б. Амбросетти посетил Санкт-Петербург для знакомства с собранием МАЭ, которое он осмотрел с большим интересом. Х.Б. Амбросетти обратил внимание на мумифицированную голову индейца. По его совету К.Е. Гильзен написал статью об этом экспонате и о связанных с ним военных обычаях мундуруку [Гильзен 1918]. В 1913 г. от Х.Б. Амбросетти музей получил пятнадцать археологических и этнографических коллекций из более 700 предметов [Ершова, Корсун 2005: 32–34]. В свою очередь, МАЭ отправил в Буэнос-Айрес не только дублетные коллекции по народам Сибири, но и редкие предметы материальной культуры народов Русской Америки [Лукин 1965: 133]. В дальнейшем Х.Б. Амбросетти оказал содействие участникам Второй русской экспедиции, которые работали в Латинской Америке в 1914–1915 гг.

«9 (22) ноября 1913 г. на заседании историко-филологического отделения Петербургской Академии наук В.В. Радлов сообщил: «Профессор Амбросетти, директор Этнографического музея в Буэнос-Айресе, с которым наш музей давно уже состоит в непрерывном обмене, прислал вновь об-

менный материал — этнографические и археологические коллекции в количестве 314 предметов. <...> Особенно ценны для музея предметы двух племен: она и яган из Огненной Земли, так как в музее эти племена были до сих пор очень слабо представлены» [Там же: 134].

Еще один участник лондонского конгресса, А. Хрдличка, также в 1912 г. приехал в Санкт-Петербург. Он планировал совершить экспедицию в Сибирь и Монголию для сбора материалов по антропологии народов Азии. А. Хрдличка хотел найти подтверждение своей теории об азиатском происхождении индейцев. В Санкт-Петербурге он ожидал разрешения на проведение полевых исследований в Сибири, изучал русский язык и неоднократно встречался с В.В. Радловым. По его рекомендации переводчиком в экспедиции А. Хрдлички стал Ф.А. Фиельструп.

В тот же период в МАЭ работал датский этнограф, сотрудник Королевского музея Копенгагена (Национального музея Дании — НМД) Г. Хатт (Гатт). Он занимался изучением различных типов одежды народов Сибири и Америки [Hatt 1914]. После возвращения на родину Г. Хатт отправил в МАЭ небольшую коллекцию из 28 номеров по культуре эскимосов западной Гренландии (№ 2350). По просьбе В.В. Радлова он договорился с администрацией Датского колониального правления о сборе коллекции по эскимосам Гренландии, которая была доставлена в Копенгаген в 1914 г., но получена МАЭ только в 1924 г. (№ 3044).

В 1913 г. через Германа Мейера поступили интересные коллекции, собранные в 1909—1910 гг. немецким ботаником Э. Улле в районе границы Бразилии и Венесуэлы, в междуречье Рио-Негро и Ориноко, среди карибских племен: вапишана, арикуна, макуши и ягуа (№ 2136—2139, 2153). В состав этого собрания входит 173 предмета и 57 фотографий (№ 4552).

Продолжились деловые связи и с НМЕИ. В 1913 г. в обмен на коллекцию туркестанской керамики МАЭ получил четыре образца керамики из Панамы из сборов И.А. Мениэль,

(№ 2213) и восемь керамических изделий индейцев пуэбло из сборов В.Г. Холмса (№ 2212).

Дальнейшие связи между МАЭ и зарубежными музеями были прерваны из-за начала в 1914 г. Первой мировой войны.

Таким образом, в короткий отрезок времени с 1903 по 1914 гг. между зарубежными музеями и МАЭ был проведен ряд крупных обменов коллекциями, в результате которых МАЭ получил несколько тысяч предметов по культуре народов Америки, Африки, Австралии и Океании, Юго-Восточной Азии. Соответственно за них было передано большое количество экспонатов по народам России. Во многом благодаря межмузейному обмену начала XX в. МАЭ стал единственным специализированным музеем России, посвященным этнографии народов всего мира.

«Радлов и Штернберг в полтора десятилетия собрали для музея большую половину наличных коллекций и сборов. Особенно в последние годы, перед самой войной, их работа по организации научных экспедиций, можно сказать во все области и материка Земного шара, развернулась с большой широтой. Мировая война застала экспедиции Музея в таких удаленных друг от друга местах, как Южная Америка, Индия и восточная Азия» [Богораз 1927: 278].

В выше процитированной статье В.Г. Богораз назвал В.В. Радлова «старшим другом и учителем» Л.Я. Штернберга [Там же]. Одним из основных достижений академика В.В. Радлова на посту директора МАЭ было то, что еще до начала Первой мировой войны он добился принципиального решения о возврате музею всего исторического здания Петровской Кунсткамеры [Музей... 1925: 7].

В 1914–1915 гг. состоялась Вторая русская экспедиция в Южную Америку. Наряду с другими научными учреждениями Санкт-Петербурга и Москвы МАЭ принял долевое участие в ее финансировании. В состав экспедиции входили студенты, занимающиеся этнографией: Генрих Генрихович Маннер (1889–1917) и Федор (Теодор) Артурович Фиельструп

(1889–1933), а также студенты-зоологи И.Д. Стрельников, Н.П. Танасийчук и экономист С.В. Гейман. Участие МАЭ в организации экспедиции ограничилось выдачей небольшой суммы для приобретения коллекций и инструкциями по их сбору и хранению. По прибытии в Аргентину участники экспедиции оказались в трудном финансовом положении. В связи с началом Первой мировой войны им пришлось остаться в Америке не на четыре-пять месяцев, как они планировали, а на полтора года. Всего участники экспедиции собрали более 750 предметов по всем вышеупомянутым народам, а также путем обмена и в качестве подарков получили небольшие коллекции по другим племенам. При тех незначительных средствах, которые МАЭ выделил на приобретение коллекций, результат превзошел все ожидания.

После возвращения Г.Г. Манизера в Санкт-Петербург в октябре 1915 г. В.В. Радлов принял его на временную работу в отдел Центральной и Южной Америки для регистрации коллекций [Отчет... 1917: 2]. Ф.А. Фиельструп также поступил на работу в МАЭ, но позднее, в 1916 г., после окончания университета. За год работы в музее Г.Г. Манизер сделал очень много: написал монографию об экспедиции Г.И. Лангсдорфа в Бразилию и занимался обработкой своих полевых материалов. Он подготовил к печати статьи о ботокудах, музыкальных инструментах индейцев Бразилии, индейцах каинган штата Сан-Паулу [Манизер 1916, 1918, Manizer 1930] и обзорную статью о своих исследованиях в Южной Америке [Манизер 1917]. В конце 1916 г. Г.Г. Манизера призвали в армию. Как немца, его не собирались отправить на фронт, но он выразил добровольное желание участвовать в боевых действиях. В мае 1917 г. на румынском фронте он заболел сыпным тифом. Скончался Г.Г. Манизер 21 июня 1917 г. в возрасте двадцати семи лет.

После февральской революции 1917 г. В.В. Радлов разрабатывал проект создания на базе МАЭ Государственного Музея антропологии, этнографии и археологии. В частности, он планировал объединить в одном учреждении этнографические

коллекции из всех музеев Петрограда. Интересно отметить, что идея В.В. Радлова о централизованном хранении в одном музее всех этнографических коллекций по народам зарубежных стран в дальнейшем была частично осуществлена. В 1930 г. МАЭ получил американские этнографические коллекции из ЦВММ, Военно-морского училища, Строгановского дворца-музея, в 1931 г. из музея Академии художеств, в 1932 г. из Академии истории материальной культуры и Ленинградского государственного университета, в 1938 г. из Государственного музея этнографии народов СССР, в 1951 г. из Артиллерийского исторического музея, в 1955 г. из Музея искусства народов Востока, в 1959 г. из Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.

В октябре 1917 г. в Петрограде было свергнуто Временное правительство. Это событие его сторонники называли Великой Октябрьской социалистической революцией, а противники — большевистским переворотом. Зимой 1918 г. из-за дезорганизации системы государственного управления в городе закончилось продовольствие, начался голод. Положение сотрудников музея было очень тяжелым, приходилось работать в помещениях, которые не отапливались, всеобщая карточная система распределения продуктов только начинала формироваться.

Не выдержав нервного перенапряжения, голода и лишений, В.В. Радлов скончался 12 мая 1918 г. на 82 году жизни. Как подчеркивал неперемный секретарь АН академик С.Ф. Ольденбург, В.В. Радлов фактически умер от голода [Решетов 1995: 80].

Подводя итоги его работы, Л.Я. Штернберг писал: «Прекрасный организатор, подлинный “ловец людей”, он (В.В. Радлов. — С.К.) в то же время обладал талантом практика в отыскании “путей и средств”. С такими талантами, умноженными счастливым даром долголетия, за двадцать пять лет своего управления, ему удалось добиться исключительных результатов. Застав штат из одного наемного консерватора и сторожа, он оставил музей с составом в 14 квалифицированных храни-

телей. Количество коллекций возросло во много раз. С трудом отвоевывая у правительства самое необходимое, он привлек в России и за границей частных жертвователей, на средства которых он расширял помещение Музея, выстроил третий этаж, заново обмелировал Музей, снаряжал экспедиции и приобрел все новые и новые коллекции.

Вместе с тем за этот период радикально изменилась и внутренняя структура музея. Из хранилища коллекций он постепенно превратился в подлинный исследовательский Институт этнографии» [Штернберг 1925: 60–61].

В советский период (20–80-е годы XX в.) имя В.В. Радлова среди создателей МАЭ ушло на второй, если не на третий план. Отчасти это было обусловлено новой «советской» идеологией, когда вспоминать заслуги «царского академика» стало не принято. Имя В.В. Радлова из науки не вычеркнули, но на первый план выдвигали научные заслуги бывших революционеров-народников: Л.Я. Штернберга, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсона и др. Особенно в этом плане показательна статья С.А. Ратнер-Штернберг «Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук» [Ратнер-Штернберг 1928: 31–67]. Как отмечалось, Л.Я. Штернберг проработал под руководством В.В. Радлова семнадцать лет. С.А. Ратнер-Штернберг расставила акценты так, что представила Л.Я. Штернберга как фактического руководителя музея, который установил партнерские связи с зарубежными коллегами и музеями, организовал обмен коллекциями и проведение полевых исследований, воспитал целое поколение отечественных этнографов.

Заслуги Л.Я. Штернберга перед отечественной этнографией велики, но противопоставлять Л.Я. Штернберга и В.В. Радлова некорректно, тем более когда заслуги одного всячески подчеркиваются, а другого умалчиваются.

Библиография

Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX—XX веков (очерки истории). М., 2008.

Богданов В.В. Музейная этнография. М., 1993.

Богораз В.Г. Л.Я. Штернберг как человек и ученый // Этнография. 1927. № 2. С. 269—282.

Гильзен К.К. Человеческая голова как трофей у индейцев племени мундуруку // Сборник МАЭ. 1918. Т. V. Вып. 1. С. 351—358.

Гурвич И.С., Ляпунова Р.Г. Коллекции музеев США по народам северо-западной Америки и Сибири // Советская этнография. 1980. № 5. С. 121—128.

Ершова Е.А., Корсун С.А. Указатель собирателей и дарителей коллекций отдела этнографии народов Америки МАЭ // Аборигены Америки: предметы и представления (Сборник МАЭ. Т. L). 2005. С. 4—58.

Купина Ю.А. Утраты или приобретения³ (история коллекционных обменов МАЭ РАН с американскими музеями) // Курьер Петровской Кунсткамеры. 2004. Вып. 10—11. С. 52—85.

Лукин Б.В. Хуан Амбросетти и его связи с русскими этнографами (к столетию со дня рождения) // Советская этнография. 1965. № 4. С. 129—137.

Манизер Г.Г. Ботокуды (боруны) во время пребывания среди них в 1915 г. // Ежегодник русского антропологического общества. Пг., 1916. Т. VI. С. 83—130.

Манизер Г.Г. Из путешествия по Южной Америке в 1914—1915 гг. // Природа. 1917. № 5—6. С. 619—660.

Манизер Г.Г. Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии (Кадзувео. Терено. Файя. Каинган. Гуарани. Ботокуды) // Сборник МАЭ. 1918. Т. V. Вып. 1. С. 319—350.

Музей антропологии и этнографии имени императора Петра Великого // Материалы для истории Академических учреждений за 1889—1914 гг. Пг., 1917. Т. 2. Ч. 1. С. 241—308.

Музей антропологии и этнографии. Основан в 1837 году. Л., 1925.

Отчет о деятельности Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого за 1916 год. СПб., 1917.

Очередная выставка последних поступлений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Императорской Академии наук. СПб., 1906.

Радлов В.В. Отчет о командировке для обозрения этнографических музеев // Известия Императорской Академии наук. СПб., 1907. Т. 1. С. 743–748.

Ратнер-Штернберг С.А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук // Сборник МАЭ. 1928. Т. VII. С. 31–67.

Решетов А.М. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры. СПб., 1995. Вып. 1. С. 75–85.

Розина Л.Г. В.В. Святловский — собиратель коллекций из Океании // Культура и быт народов Австралии и Океании (Сборник МАЭ. Т. XXX). 1974. С. 127–140.

Соболева Е.С. Частные этнографические музеи Гамбурга и коллекционирование в конце XIX — начале XX в. // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году. СПб., 2007. С. 78–84.

Соболева Е.С. Из истории отношений Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Гамбургского Музея народоведения (конец XIX — начало XX в.) // Санкт-Петербург — Гамбург. Балтийские побратимы. СПб., 2007. С. 179–203.

Соболева Е.С. Братья Ганс и Герман Мейеры как создатели Музея антропологии и этнографии в конце XIX — начале XX в. // Россия и Германия. 2011. № 1. С. 48–53.

Терюков А.И. Коллекции А.В. Журавского в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого: (судьба собирателя) // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1993. Вып. 2–3. С. 254–265.

Терюков А.И. Андрей Владимирович Журавский и его коллекции по русским старообрядцам в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН // Коллекции отдела Европы: Выставочные проекты. Каталоги. Исследования / Отв. ред. Т.А. Бернштам, А.И. Терюков (Сборник МАЭ. Т. LIV). СПб., 2008. С. 88–108.

Штернберг Л.Я. Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–8. С. 45–66.

Штернберг Л.Я., Ольденбург С.Ф. и др. Музей антропологии и этнографии за 12-летие управления В.В. Радлова // Ко дню семидесятилетия В.В. Радлова. СПб., 1907. С. 29–107.

Hatt G. Arktiske Skinddragter i Eurasien og Amerika. København, 1914.

Manizer H.H. Les Kainganges de San Paulo // Proceedings of the XXIII International Congress of Americanists (1928). N.Y., 1930. P. 760–791.